

Неверно также выводить власть владельца домена из его функции сборщика податей. Эта власть фактически была уже достаточно реальна в III в., а может быть и раньше. Ведь еще к Плинию младшему его колонны обращались со своими жалобами, просьбами, тяжбами. В III в. в сознании современников колонны уже почти совершенно слились с рабами: кредиторы, например, считали, что они могут требовать с господина долг колона, а с колона долг господина, так как предполагали, что колонны, как и рабы, уже не имели собственности, отличной от собственности господина. Нормы, сложившиеся в рабовладельческом обществе для регулирования жизни фамилии, а также старинная клиентелла неизбежно должны были во многом определить характер взаимоотношений собственника со всеми зависимыми от него маленькими людьми. Реакция, ознаменовавшая правление Константина и ставшая возможной вследствие разгрома галльских и африканских повстанцев при Диоклетиане, снова чрезвычайно усилила власть главы фамилии, включавшей теперь всех зависимых людей. Государство передало магнатам не столько свои фискальные функции, сколько функции подавления. И именно могущество крупных посессоров, которым почти не противостояли ни города, ни средние и мелкие хозяйства, вскоре сделала для них центральное правительство почти бесполезным и даже — поскольку оно выдвигало притязания на долю прибавочного продукта колоннов (в форме налогов) — обременительным. Это и выразилось в появлении многочисленных «узурпаторов» в западных провинциях. Передача же владельцам доменов функций сборщиков налогов была не причиной, а следствием роста их реальной власти над населением домена.

На Востоке же, где социальные противоречия были сложнее и многообразнее, государство опиралось на различные группы правящего класса, более искусно лавировало, шире применяло социальную демагогию.

Пренебрежительное отношение автора к социальным моментам определило и его взгляд на судьбы колоната после падения Западно-Римской империи. Одержимый идеей о всепоглощающей роли фиска, он не анализирует ни реального взаимоотношения сил «варваров», римских посессоров и земледельцев, ни условий экспроприации земли в разных областях Запада, ни влияния завоеваний на положение масс, ни их борьбы с римскими магнатами и «варварской» аристократией в тех случаях, когда последняя являлась союзницей знати Италии и провинций, ни, наконец, положения и социальной дифференциации самих завоевателей. Его вывод, что и в VI в. колонат был только смягченным рабством, основан только на букве юридического источника, который в то время уже не отражал в полной мере реальных отношений.

Таким образом, мы видим, что рецензируемая работа является типичным образцом исследования буржуазного историка, искажающего историческую действительность.

Е. М. Штаерман

J. VOGT. CONSTANTIN DER CROSSE

München. 1949. S. 303

Автор рецензируемой книги немецкий профессор И. Фогт в настоящее время занимает кафедру в Тюбингенском университете — одном из университетов Западной Германии. Это во многом определяет его воззрения, в которых своеобразно сочетаются разбитые идеи нацистского расизма,

мистицизм и идеализм, эклектизм в методологии. Надобно заметить, что в последнее время буржуазные историки проявляют исключительный интерес к Константину и его деятельности: вышел целый ряд исследований, посвященных Диоклетиану и Константину (Сестон, Мосс, Холсэпл, Д'Эльбэ, Уолбэнк). Этот повышенный интерес буржуазных ученых к последним векам существования рабовладельческого строя станет совершенно понятен, если учесть, что между IV в. и настоящим временем имеется нечто принципиально общее, а именно: тогда господствующие классы старались отсрочить гибель разлагавшегося рабовладельческого строя путем установления деспотического режима домината, — теперь империалистическая буржуазия старается отсрочить неизбежную гибель капиталистического строя, находящегося в состоянии общего кризиса, фашизацией буржуазного государства. В этих условиях идеологам современных «спасителей» буржуазного общества кажется, что империалистическим политикам можно кое в чем поучиться у «спасителей» рабовладельческого строя в IV в., учесть их «успехи» и не допускать их ошибок. Такова несомненная подоплека повышенного интереса современных буржуазных историков (от М. Ростовцева — до рецензируемого нами автора) к последним векам Римской империи.

Книга Фогта не представляет собою работы исследовательского характера, — она рассчитана на широкие читательские круги; в ней нет примечаний, ссылок, экскурсов. Работа подразделяется на четыре части: 1) Кризис античного мира в IV в.; 2) Реставрация Диоклетиана; 3) Революция Константина Великого; 4) Константиновская эпоха. Фогт начинает свою работу с восторженной оценки культуры империи II в. Он сочувственно приводит взгляд Гиббона о том, что время Антонинов было наисчастливейшим для человечества, говорит о широком распространении культуры на территории всей империи и о блеске этой культуры. Он приводит слова Элия Аристида: «Вместо военного снаряжения земля ныне одета в праздничную одежду, . . . горы вскрыты, реки покрыты мостами, пустыни заселены, города расположены возле городов. Свободное сообщение соединяет отдаленнейшие места. Опасные страны стали легендой. Море покрыто кораблями, дороги — телегами и путниками. . . Всякое достижение и удобство немедленно проникает во все уголки империи. . .» Но тут же Фогт делает оговорку, указывая, что все это касалось только правящего класса; при этом он подчеркивает, что при всем блеске империи маленькие люди, плебс, оставались жалкими бедняками. И. Фогт отмечает исключительную роль землевладения в положении городской знати II в.: «Возможно, доход от имений не был слишком значителен, но это было наиболее верное (kriesensicher) и излюбленное место вложения средств». Однако Фогт не понимает специфики рабовладельческой системы и характеризует хозяйство II в., оперируя понятиями капиталистического общества, стремясь к отождествлению Римской империи и современности. С особым удовлетворением говорит Фогт о существовании якобы в античности свободной конкуренции. «Во всем хозяйстве империи, — пишет Фогт, — как для отдельного лица, так и для сообщества господствовал принцип свободы производственной деятельности и свободной конкуренции. . . Эта свободная конкуренция в хозяйстве была характерна для ранней империи, когда сфера вмешательства государства была в удивительной степени ограничена и когда для частного предпринимательства был представлен мир спокойствия и правового порядка». Но обрисовав «блестящий расцвет» римского хозяйства во II в., Фогт должен был обратиться к причинам упадка и оскудения античного мира. В этом вопросе Фогт в основном следует реакционнейшим концепциям: он считает правильным тезис

М. Ростовцева о том, что причиной упадка Италии, а затем и всей империи, было распространение культуры вширь. Рим, пишет Фогт, выполнил свою миссию — он распространил цивилизацию по всей территории империи и поэтому, исчерпав предназначенные для этого возможности, неминуемо должен был погибнуть. Я уже не говорю о том реакционном идеализме и фатализме, которые пронизывают эту «концепцию» Ростовцева—Фогта, но в ней отчетливо проступает ненависть к народным массам, ибо автор утверждает, что культура гибнет, когда делается достоянием широких слоев населения. Но Фогт не удовлетворяется этим. с позволения сказать, объяснением. Эклектически он нагромождает самые различные объяснения упадка античного мира. Фогт признает ограниченный и поверхностный характер хозяйственного развития II в. Он говорит о невозможности развития внутреннего рынка; он пишет, что богатство и роскошь были сосредоточены в немногих руках, что громадная масса населения в городах и в деревне находилась в самых жалких условиях, что государство не предпринимало ничего для улучшения положения трудящихся. При наличии труда бесправных рабов, дурно оплачиваемых свободных ремесленников и податливых арендаторов крупные землевладельцы могли получить доход, не пытаясь вводить технические усовершенствования и не заботясь о повышении производительности труда. В силу ограниченности сбыта денежные средства могли направляться только в землевладение, торговлю, но не в промышленность. По той же причине накопленные богатства шли в сферу потребления, и роскошь достигала фантастических размеров. «Буржуазия» стала утопать в роскоши, потеряла свой «творческий» дух и не выдержала испытаний при наступлении варваров в конце II в. (стр. 49). С конца II в. положение Римской империи значительно ухудшилось. Усиление налогового гнета и порча монеты еще более подрывали хозяйство. Распространение колоната Фогт упрощенно объясняет тем, что со II в. Римская империя, не ведя завоевательных войн, не имела достаточного количества рабов.

Не ограничиваясь этими вульгарно-экономическими рассуждениями, игнорирующими основную предпосылку распада Римской империи (вопрос о разложении рабовладельческого способа производства, о нерентабельности рабского труда Фогт даже не ставит), автор обнаруживает еще одну «причину» упадка античного мира, которую он видит в распространении материалистического мировоззрения (стр. 52). Таким образом, в попытках Фогта объяснить упадок Римской империи с особой отчетливостью проступает характерный для буржуазной историографии эпохи империализма эклектизм, который неминуемо ведет к противоречивым трактовкам одного и того же вопроса. И действительно, с одной стороны, Фогт восторженно живописует мир свободной конкуренции, тогда как, с другой стороны, он находит всеобщее разложение, апатию, хозяйственный и духовный упадок.

Касаясь кризиса III в., Фогт говорит о том, что в условиях трудностей, нашествий варваров и «мятежей» городское сословие пришло в упадок. Но в результате того, что предприимчивость «буржуазии» падала, государство, по мнению Фогта, само решило заводить свои предприятия для удовлетворения потребностей армии и двора; когда же выяснилось, что продукции своих предприятий нехватает, государство стало обязывать частных предпринимателей в принудительном порядке работать на казну. Это привело к полному подчинению частного хозяйства государственному контролю. Теоретическое оправдание этой политики было возложено на юристов, которые провозглашали законность полного подчинения частного лица государству и приходили, по мнению Фогта, к теории абсолютизма, подчиняющего все сферы общественной жизни (стр. 54). В результате этого

с III в. стал изменяться состав господствующего класса, который пополнялся теперь за счет помещиков, чиновников, выскочек из военных. Эти новые слои знати не были достаточно самостоятельными, ибо они во многом зависели от милости императора. Что же касается городского населения (в том числе и городской знати — куриалов), то оно было обречено на обнищание.

Картина, которую рисует Фогт, не отличается оригинальностью: он попросту повторяет положения, ставшие общепринятыми в буржуазной историографии со времени появления реакционных работ белоэмигранта М. Ростовцева. Однако Фогт пытается сочетать эти положения с другой, не менее реакционной терией — с допшианством. По его словам, новые общественные отношения, которые сложились в Римской империи, были не чем иным, как примитивным, первоначальным строем индогерманских народов (??). Это обстоятельство, по мнению Фогта, создавало возможность дальнейшего развития: римское общество приблизилось к состоянию варварских племен; тем самым стало возможным сотрудничество новых племен с римлянами и, следовательно, было положено начало новому общественному строю человечества (стр. 58).

Мрачными красками рисунка III в. как век кризиса античного мира, Фогт видел единственную возможность спасения Римского государства в переходе к военной диктатуре. С восхищением отзывается он о «солдатских императорах», подавлявших восстания. Но особенно восторженно Фогт описывает правление Диоклетиана. Эпоху жестокой рабовладельческой реакции при Диоклетиане Фогт рассматривает как героическое время и в духе фашистских лжеученых воспекает солдат, которые «спасали» государство (стр. 115 сл.). Эклетик и идеалист Фогт уделяет первостепенное внимание вопросу о причине отречения Диоклетиана от власти. Он ищет ее в воззрениях Диоклетиана, который якобы смотрел на себя как на римского магистрата и считал себя обязанным сдать свои полномочия по истечении определенного срока. Не приходится говорить, что это — искусственное перенесение на людей IV в. понятия республиканского Рима. С нашей точки зрения, вопросу об отречении Диоклетиана вообще не следовало бы уделять такое внимание; но если уже говорить об этом, то объяснение этого события следует искать в провале политики Диоклетиана, в неудаче его попыток осуществления религиозного единства и установления твердых цен. Это было бы понятнее, чем предположение о мнимой живучести республиканских традиций, которые на самом деле соблюдались Диоклетианом меньше, чем кем бы то ни было до него.

Переходя к правлению Константина, Фогт — как и другие представители буржуазной историографии — останавливается главным образом на победе христианства. Разумеется, Фогт не может и не хочет ставить вопрос о социальной сущности христианства. Когда он говорит о политической стороне христианства, то имеет в виду исключительно организацию церкви. Соглашаясь с положением Петерсена о том, что переход к моногизму являлся в III—IV вв. скорее политической, чем религиозной проблемой¹, Фогт имеет в виду невозможность для язычества создать централизованную церковь и систематизированное догматическое учение, а именно это и явилось преимуществом христианства. Фогт замечает только организационные преимущества христианства, но не видит тех выгод, которые давало христианство господствующему классу как надстройка, которая укрепляла господствующее положение рабовладельца и землевладельца над подвластным населением. Апрельский эдикт Галерия 311 г. Фогт объясняет как

¹ E. Petersen. Der Monotheismus als politisches Problem Leipzig, 1935.

попытку включить христианство в общую систему политеизма того времени. Однако Фогт не обращает внимания на им же самим приводимые слова Галерия, которые не плохо объясняют причину эдикта. Ведь Галерий боялся, что христиане, не признавая богов и не имея возможности молиться своему богу, вовсе станут безбожниками. Именно этот страх, что массы, потеряв веру в старых богов, пойдут по линии атеизма, и заставил Галерия предпочесть христианство безбожию и потому объявить христианство *religio licita*.

Третья глава, которая претенциозно называется «Революция Константина Великого», столь же порочна, как и первые две. Фогт сравнительно мало говорит о политической деятельности Константина, мало обращает внимания на анализ сохранившегося в Кодексе Феодосия законодательства Константина. Из текста главы нельзя понять, в чем видит Фогт революцию. Очевидно, под революцией Фогт понимает не коренной общественный переворот, а нечто вроде фашистского путча. Ведь в этой главе, если исключить вопросы религии, Фогт говорит только об установлении «твердой» власти, о диктатуре «абсолютизма». При этом он сознательно сблизает «мировую монархию» Константина с фашистскими государствами. Это проявляется даже в мелочах: так, название одного из разделов (*Der Marsch auf Rom*) несомненно навеяно пресловутым походом Муссолини на Рим.

Эклектизм Фогта особенно сказался при определении характера «абсолютизма» Константина. С одной стороны, Фогт считает, что при Константине были заложены основы феодального общества, а именно, что вместо преобладания городской знати установилось преобладание земельной аристократии (стр. 266) и рос институт частной власти. Но с другой стороны, Фогт говорит о потере земельной знатью прежних привилегий. Он отмечает, что установление «абсолютизма» соединялось со значительным участием сенаторов в управлении, ибо хотя сенат как учреждение не обладал политической властью, именно сенаторы занимали важнейшие должности в управлении (стр. 229). Фогт считает это положение своего рода компромиссом государства и знати, уступкой со стороны государства, которая должна была возместить потерю знатью прежних привилегий. В данном случае Фогт как будто склонен признать, что одна форма господства знати сменилась другой формой — через посредство централизованного «абсолютизма». Но ведь это определение в корне противоречит первому.

Фогт не удовлетворяется этими путанными положениями. Будучи идеалистом, он старается определить «абсолютизм» Константина как воплощение христианских идеалов (стр. 225). Туманно, хотя и многословно, рассуждает Фогт в разных местах своей работы о христианских принципах правления Константина, не замечая, что в другой связи он высказал по этому поводу прямо противоположную мысль. Действительно, на стр. 207 читаем: «Константин вовсе не пытался перестроить на христианских началах государство и общество. Великие реформы, которые он предпринял в управлении и администрировании, в хозяйстве и военном деле проводились в направлении той же политики, которая начала была Галлиеном и Аврелианом».

Столь же эклектична и общая характеристика роли христианства. С одной стороны, Фогт пишет, что христианские настроения широких масс населения благоприятствовали укреплению господства бюрократии и облегчали ограбление масс, которые в христианском учении находили утешение и надежду на счастье на небесах — последнее достояние, которое никто не мог у них похитить. «Христианство, — продолжает Фогт, — приняло весь тот порядок общественного и политического принуждения, которое вводил Константин, и поэтому христианство стало столпом абсолютизма» (стр. 235). Совершенно иной смысл имеют длинные рассуждения Фогта

в другом месте: он панегирически пишет об огромном историческом значении принятия христианства Константином, который якобы ввел в жизнь христианское учение о бессмертии души, ставшее, по мнению Фогта, несравнимой «динамической силой, воспламенявшей сердца», и т. д. в этом духе (стр. 269).

Рецидивом нацистской историографии является трактовка Фогтом военной реформы, завершенной Константином. Фогт не понимает истинной причины этой реформы; в действительности создание легко подвижных частей и сильных гарнизонов в городах предназначалось для подавления революционных движений масс. Не замечая социальной сущности военной реформы, Фогт пространно рассуждает о практике приема варваров в армию при Константине.

Фогт принимает тезис фашистского историка графа Штауфенбурга о том, что при Константине основой империи стал союз христианства с германизмом¹, хотя и вносит в него некоторые оговорки. И если Штауфенбург, грубо фальсифицируя историю ради апологии немецкого фашизма, старался изобразить Константина проводящим «германизм» фюрером, Фогт с псевдоученным видом заявляет, что аргументация Штауфенбурга недостаточно строга и что его теория нуждается в некоторых коррективах: окончательно этот, по мнению Фогта, союз германизма и христианства был проведен лишь при Феодосии I, тогда как при Константине были заложены только основы для этой политики (стр. 241). Не приходится говорить, что «коррективы» Фогта ничего не меняют в фашистской концепции Штауфенбурга: как и этот последний, Фогт в своей книге выступает идеологом сил реакции, мечтающим об установлении фашистской диктатуры.

Фогт затрагивает вопрос о рабстве; он даже утверждает в одном месте, что рабство было основным устоем античного мира (стр. 210). Хотя Фогт отмечает, что Константин не выступал против рабства, он все же старается показать, что Константин, под влиянием христианской идеологии, причинал меры, чтобы смягчить рабство. Для доказательства этого Фогт сослался на передачу церкви права осуществлять освобождение рабов. Однако этот аргумент не убедителен: ведь лицо, желавшее освободить раба, могло это сделать и помимо церкви, — следовательно, мероприятие Константина имело целью повысить авторитет церкви, а отнюдь не смягчить рабство.

Сравнительно мало внимания уделяет Фогт основанию Константинополя. Основание Константинополя рассматривается Фогтом не с точки зрения политической, экономической или военной, но только с точки зрения религиозной, а именно как средство создать в противовес языческому Риму чисто христианскую столицу (стр. 219).

Но больше всего интересуется Фогта вопрос о «внутренней» религиозности самого Константина. В период господства позитивизма в буржуазной историографии было распространено представление о Константине, как о холодном, безразличном к делам веры политике, а показания Евсевия, рисовавшего Константина фанатично верующим христианином, не принимались в расчет. Но в последнее время западная буржуазная историография старается полностью «реабилитировать» показания Евсевия. В этом отношении весьма показательно, что Шварц в своем исследовании о Константине в первом издании останавливался исключительно на политических мотивах деятельности Константина, тогда как во втором, переработанном издании он говорил в основном о внутренних религиозных побуждениях².

¹ «Труд» Штауфенбурга вышел в 1940 г., в период фашистского господства. Чрезвычайно показательно, что этот «труд» был недавно перепечатан в Мюнхене.

² E. Schwartz. Kaiser Konstantin und die christliche Kirche, 2 Aufl. Leipzig, 1936.

Фогт пространно рассуждает о религиозности Константина, разбирая различные точки зрения по этому вопросу. Некоторые буржуазные историки считали Константина поклонником бога-солнца, митраистом, другие — монотеистом, почитавшим синкретического *Summum deum* и стремившимся объединить и философов, и гностиков, и митраистов, и христиан под знаменем единой государственной религии. Фогта, однако, гораздо больше интересует совсем другой вопрос, а именно, был ли Константин глубоко религиозным человеком. Отвечая на этот вопрос положительно, Фогт, разумеется, полностью принимает традицию Евсевия. Все приведенные в *Vita Constantini* письма Фогт считает подлинными. Много места уделяет он вопросу о так называемом видении Константина. Полемизируя с А. Грегуаром, который не признает достоверной легенду о видении Константина, Фогт полностью принимает версию Евсевия, «подкрепляя» ее астрономическими выкладками, произведенными Ф. Хейландом в 1948 г.¹ Изложение Фогта в этой части работы приобретает пафос воинствующего церковника, напоминая соответствующие страницы «Анналов» Барония. Для характеристики Константина он находит пышные эпитеты, именуя его «солдатом и государственным мужем, который узнал спасительное действие новой веры», говоря о «небесном свете, который показал ему дорогу». Идеализируя «фюрера» IV столетия, Фогт даже убийство Константином сына и жены старается оправдать желанием Константина строго охранять чистоту брака как путем законодательства, так и в личной жизни (стр. 256).

В заключительной главе Фогт пишет о результатах деятельности Константина. По словам Фогта, в итоге реформ Константина имел место общий хозяйственный подъем всех стран, входивших в состав империи. Денежное обращение, особенно на Востоке, настолько окрепло, что снова удалось перевести все налоги на деньги. Место союза городов, которым некогда была Римская империя, заняли теперь «благородные» землевладельцы с их зависимыми крестьянами, которые были прикреплены к земле и положение которых ухудшилось. Землевладельцы senatorского звания получили право сбора налогов и низшую юрисдикцию, окружили свои виллы стенами, завели вооруженные частные полицейские отряды. Мелкие землевладельцы стали вступать под патроний этих могущественных господ. Все эти тенденции, которых не могла сдержать императорская власть, вели к средневековому феодализму.

Таким образом, Фогт рисует Римскую империю после «революции» Константина в сущности уже государством феодальным. Но эту эволюционистскую теорию постепенного перехода от античного общества к обществу феодальному Фогт явно не в силах согласовать с другой своей теорией, согласно которой союз христианства с германизмом являлся созидательной силой новой Европы. Надуманность эклектической концепции Фогта особенно отчетливо проступает в его суждениях о дальнейшей судьбе Византии, которая якобы оставалась по своему существу «константиновской» (*Constantinisch*) (стр. 265). Это положение — методологически порочно, ибо мы не можем рассматривать многовековую историю Византийской империи с ее сложной общественной борьбой, с противоречивыми тенденциями развития, с необычайным многообразием экономических, социальных, политических и идейных явлений — как унылое топтание на месте, как пережевывание «константиновских» традиций. Утверждение

¹ F. Heiland. Die astronomische Deutung der Vision Konstantins, Sondervortrag im Zeiss-Planetarium, Jena, October 1948.

Фогта не выдерживает никакой критики. Действительно, если история Византии есть лишь воплощение традиций Константина, а сам он — основоположник «великого (!) союза христианства и германизма», то как увязать это с общезвестными фактами, свидетельствующими о том, что после бурных событий начала V в. так называемый «германизм» уже никак не может рассматриваться в качестве «господствующей» или «творческой» силы в Византии? Следовательно, эклектические воззрения Фогта порождают неразрешимые противоречия.

Подведем итоги. Книга Фогта о Константине представляет собою эклектическую работу, задачей которой является сохранение насколько возможно нацистско-расистских представлений о прошлом. Автор стремится представить историю IV в. в духе воинствующего идеализма и мистицизма, хотя и рядится в тогу «научного объективизма», включая в свое сочинение кое-где отдельные положения либеральной буржуазной науки XIX в., резко противоречащие основной реакционной направленности рецензируемой книги. Константин обрисован у Фогта как типичный «фюрер» христианского тоталитарного государства, проводившего идею «германизма». Все эти тенденции, как эклектизм, так и лишь слегка завуалированные нацистские «идеи», чрезвычайно характерны для современной буржуазной исторической науки, идейно порочной и методологически беспомощной.

Безмерная идеализация деятельности императора Константина является прямым следствием идеалистического понимания автором роли личности в истории, неразрывно связанного со стремлением принизить и всячески затушевать активную, творческую роль народных масс во всемирно-историческом процессе, изобразить народные массы лишь как объект, а не субъект истории. Все это лишний раз свидетельствует о глубоком упадке и разложении современной буржуазной историографии.

М. Я. Сюзюмов

W. OHNSORGE. DAS ZWEIKAISERPROBLEM IM FRÜHEREN MITTEL ALTER. DIE BEDEUTUNG DES BYZANTINISCHEN REICHES FÜR DIE ENTWICKLUNG DER STAATSIDEE IN EUROPA

Hildesheim, 1947

В. Онзорге, поставив себе задачей выяснить значение Византийской империи для развития в Европе идеи государства», рассматривает в своей книге взаимоотношения обеих империй средневековья на протяжении более чем четырех столетий, от времени Карла Великого, когда, по мнению автора, возникла «проблема двух императоров», до четвертого крестового похода, когда она потеряла всякое значение. Сделать это в книге, насчитывающей всего-навсего полторы сотни страниц, можно, разумеется, только очень бегло и поверхностно. Такой поверхностной работой и является в действительности рецензируемая книга.

Надо, впрочем, оговориться: этот «труд» представляет собою синтез, обобщение ряда предварительных исследований автора в области намеченной им темы. Онзорге уверяет читателя, что за его сочинением лежат двадцать лет работы над отдельными частями этого синтетического труда